

анализировал асп. Л.И. Ермолов (СГУ), выделивший систему повествовательных уровней романа, в центре которой – объективное «авторское» повествование, организованное как «жизнь, сама себя сочиняющая». А доц. Е.М. Бондарчук (Самара) рассматривала категорию иллюзорности и ее пространственно-временное воплощение в том же произведении Б. Пастернака.

Поэтическое кредо В. Шаламова в контексте творческой судьбы писателя было представлено в докладе асп. С.А. Павловой (Псков), обратившейся к теме природы как олицетворению живой жизни и теме творчества – попытке преодоления абсурдности и трагедийности существования.

В докладе ассист. В.В. Биткиновой (СГУ) раскрывались особенности функционирования сюжета, мотивов, символов и образов феерии А. Грина «Алые паруса» в массовой культуре и бардовской поэзии второй половины XX – начала XXI века.

Доц. З.С. Санджи-Гаряева и проф. А.П. Романенко (СГУ) поставили вопрос о метапоэтике Ю. Трифонова и проанализировали существенные черты его идиостиля. Гоголевские аллюзии в «Записках психопата» Вен. Ерофеева выделила и систематизировала асп. Е.В. Изотова (СГУ).

Двенадцать докладов было прочитано в секции «Русская литература рубежа XX – XXI вв.». Три доклада посвящены личности и творчеству А.И. Солженицына. Проф. Л.Е. Герасимова (СГУ) в докладе «Александр Шмеман о Солженицыне (по материалам "Дневников 1973–1983 гг.")» реконструировала сложный образ великого писателя, возникающий на страницах дневников протопресвитера А. Шмемана, проследила направления жизнеопределяющей полемики двух мыслителей, любящих Россию «зрячей любовью». В докладе асп. О.В. Гаркавенко (СГУ) рассматривались представления П. Флоренского о природе царской власти, близкие святоотеческой традиции, в которой власть царя сакрализована. Автором доклада отмечено сходство в оценке царской власти у Хомякова и Солженицына. В докладе Г.М. Алтынбаевой (СГУ) предпринята попытка «проникнуть в сложные и сокровенные тайны» творческой лаборатории А.И. Солженицына через его размышления о творчестве других писателей.

«"Типичная женщина, хотя и доцент": образы женщин-ученых в прозе И. Грековой» – тема доклада асп. Н.А. Пителиной (Псков), ознакомившей слушателей с формированием в литературе 60–80-х гг. нового женского типа. Доц. И.В. Некрасова (Самара), анализируя способы повествования в прозе Л. Улицкой, показала, что писательница проявила себя в

основном как сторонник *традиционных* для крупных и средних эпических форм способов повествования (циклы рассказов, повести, романы). В докладе доц. Л.В. Зиминой (СГУ) «Эссеистика Л. Петрушевской: проблематика и поэтика» были рассмотрены книги «Девятый том» (2003) и «Маленькая девочка из "Метрополя"» (2006), проанализирован образ автора и функции автометаописаний.

Проблема документального и художественного в эссе А. Битова «Прорвать круг» была поставлена в докладе соиск. Э.Ф. Тугушевой (СГУ). Асп. Л.А. Нестерова (СГУ) обратилась к теме «поиска романа» в творчестве Л. Бородина и сосредоточилась на изложении замысла писателя об объединении написанных в разные годы повестей в роман на основе сквозных персонажей и мотивов. Роман В. Сорокина «День опричника» как антиутопию XXI века охарактеризовал канд. филол. наук К.С. Поздняков (Самара).

Феномен «новой драмы» или «новой новой драмы» был подвергнут анализу в докладе доц. О.В. Журчевой (Самара), которая говорила о феноменологичности драмы рубежа XX–XXI вв.

Цикл докладов был обращен к русской поэзии рубежа XX–XXI вв.: «"Молодая" поэзия в начале нового века: тенденции и перспективы» канд. филол. наук Е.А. Ивановой (Саратов), «Концептуализация пространства в поэзии Ю. Кузнецова» асп. Д.В. Калужениной (СГУ), «Мотивы классической западноевропейской литературы в российской Интернет-поэзии» ст. преп. Е.Б. Ракитиной.

Кроме прозвучавших на заседаниях секций докладов, на конференцию было представлено большое количество стендовых докладов, размещенных на сайте кафедры русской литературы XX века.

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги работы всех секций, принято решение об издании материалов прошедшей научной конференции и о возможном проведении третьей конференции на эту тему в 2009 г. – к 100-летию создания Саратовского университета.

Проф. А.И. Ванюков

ПЯТЫЕ ПИРРОВЫ ЧТЕНИЯ

28–29 мая «Лаборатория исторической, социальной и культурной антропологии» (ЛИСКА), семинар «Пространственно-магистические аспекты культуры» (ПМАК) при поддержке Саратовского МИОНа, а также исторического факультета и факультета филологии и журналистики СГУ провели в Саратове «Пятое Пирровы чтения».

Изначально основой семинара ПМАК и базой для создания Лаборатории стала группа гипотез в области исторической и культурной антропологии, истории и теории литературы, которая получила название пространственно-магистического подхода. Суть данного подхода в самом общем виде состоит в том, что культурные поведенческие практики рассматриваются как территориально обусловленные. Причем вне зависимости от того, осознают или не осознают сами акторы эту обусловленность, «территория» (в широком смысле) будет регулировать их поведение через те или иные маркеры. Идеи, возникшие в рамках данного подхода, разрабатывались и обсуждались саратовскими и московскими участниками семинара и Лаборатории вот уже более пяти лет и постепенно стали находить все больше отклика у исследователей из самых различных областей гуманитарного знания. Стоит отметить, что междисциплинарность является принципиальной позицией как семинара, так и Пирровых чтений. Это создает не только пеструю, но и плодотворную атмосферу, располагающую к интенсивному обмену мнениями и стимулирующую как возникновение новых идей, так и более тонкую проработку уже существующих. Пирровы чтения, поначалу называвшиеся расширенным заседанием семинара ПМАК, со временем превратились в настоящую конференцию, а в этом году не только расширили свою географию, но и приобрели статус международных.

Необычный формат чтений также состоит в том, что основную, собственно научную, часть традиционно дополняет литературная. В этом году литературные чтения были посвящены памяти Ирины Ковалевой, филолога-классика, переводчика с английского и новогреческого, критика, поэта. Ирина Ковалева работала с семинаром и Лабораторией с самого начала их основания, и ее смерть стала для нас невосполнимой утратой. Чтения открылись выступлением Вадима Михайлина, который прочитал ее последние неопубликованные стихи.

Затем свои стихи прочитали Сергей Трунев, Вадим Михайлин, а также Жан-Мари Пьери (директор саратовского Альянс Франсез), поэтические тексты которого прозвучали не только на французском, но и в переводе на русский Нелли Красовской. Екатерина Решетникова выступила с малой прозой.

Второй день чтений был целиком посвящен научной конференции «Культурная память: механизмы и стратегии».

Конференцию открыл доклад гостя из Харькова Натальи Аксеновой «Мифологические модели и историческая память: конструкты прошлого и на-

стоящего». Докладчица сделала попытку (впрочем, вызвавшую много возражений) раскрыть причины и механизмы превращения фактологического материала истории в мифологический конструкт, а также объяснить механизмы «сакрализации» времени и присутствие архетипов «первопричина» и «культурный герой» в текстах современных исторических исследований.

Сергей Трунев (Саратов) выступил с докладом «Тела и вещи: идентичность памяти». Тела и вещи рассматриваются с точки зрения запечатленной на их поверхности истории – знаков опыта или памяти. Исследователь делает вывод о том, что в современной культуре наблюдается двойственное отношение к индивидуальной истории тел и вещей. С одной стороны, являясь носителями памяти, они оказываются привлекательными для искусства. С другой стороны, будучи включены в систему общественного потребления как товар, тела и вещи с необходимостью должны сохранять доопытное состояние (быть чистыми, гладкими, без царапин и т.д.). Бедные историей тела и вещи – идеал рекламы.

К сожалению, двое заявленных участников, включенных в первую секцию, не смогли приехать, но организаторы конференции с успехом вышли из этой ситуации: Вадим Михайлин (Саратов) выступил с дополнительным докладом «Миф как форма культурной памяти». Архаический миф, по мнению исследователя, представляет собой устойчивую кодовую матрицу, позволяющую осуществлять перенос социально значимого опыта из одной культурной зоны в другую, с тем чтобы впоследствии адаптировать избыточный по отношению к действующей культурной зоне опыт, превратив его в источник легитимации актуальных социальных статусов и поведенческих стратегий. Миф традиционно актуализируется в «праздничных» ситуациях и контекстах, т.е. именно там, где происходит «перераспределение счастья», и где избыточный социально значимый опыт может быть «подшит к делу». Задача литературных (или, лучше сказать, «праздничных» дискурсивных) жанров состоит в том, чтобы актуализировать этот опыт, сделав его «уместным» и востребованным. Праздничное пространство выступает как «мифологическое» *par excellence* – в нем «истории» существуют как знаки, отсылающие к иной, «внешней» по сравнению с актуальной ситуацией реальности. Однако со становлением городских цивилизаций ситуация изменяется. Отныне «игривая» атмосфера становится неотъемлемым свойством городского способа жизни вообще. «Праздничные» дискурсивные жанры – в том числе и те, которые

впоследствии обретают статус литературных – утрачивают при этом сущностную укорененность в мифологических матрицах. Никакого опыта, категорически несовместимого с «городским» пространством, фактически не существует, следовательно, отпадает надобность и в механизмах переноса подобного опыта из одной зоны в другую. Главное отличие позднего мифа (во всех его вариациях – политической, учено-гуманитарной и т.д.) от мифа архаического заключается в том, что он не только обуславливает дискурс, но и сам является дискурсивно обусловленным. Именно в этой особенности коренится и другая его сущностная характеристика: он не несет в себе никакого опыта, который по происхождению действительно был бы «чужим», «иным» по отношению к действующим стратегиям и нормам. Необходимая норма избыточности рождается в данном случае за счет конструирования иного, с учетом чисто игровых стратегий отрицания действующих моделей – как негатив к позитиву.

В докладе Натальи Палеевой (Самара) «Конструирование русского националистического дискурса и его «Другие»» материалом исследования стали дореволюционные и современные учебники по русской истории. В категорию «Других» в дореволюционной учебной литературе попадают еврейский и польский этносы, отчасти – русская интеллигенция (зачастую смешиваемая с бюрократическим аппаратом). Помимо «явных Других» выделяется категория «скрытых Других», в которую попадают казаки и татары и которая служит своего рода «резервом» для «явных». Дискурс дореволюционных учебников очень схож с дискурсом учебников современных, устойчивы и смысловые конструкты, используемые по отношению к «Другим». Однако есть и различия. Так, в категорию «Других» попадают «люди с Юга» или «Кавказа», появляются редко встречающиеся в дореволюционном дискурсе, малороссы и т.п., а сами «Другие» порой тяготеют к «Чужим» и «Врагам». Конструируемые в учебниках образы «Других», «Врагов», «Себя» складываются в мифологизированную картину не только самих этих категорий, но и, посредством них, всей русской истории.

Ольга Тогоева (Москва) выступила с докладом «Герой и его помощница. Об историческом бытовании сказочного мотива». Мотив героя и его помощницы наиболее четко прослеживается в сказке, но его также можно обнаружить во французском героическом эпосе XII–XIII вв. и в рыцарском романе. Однако внимание исследовательницы привлекли несколько иные тексты, а именно описания реальных событий, имевших место как в далеком, так и в со-

всем недавнем прошлом. Истории взаимоотношений Карла VII и Жанны д'Арк, Николая II и Александры Федоровны, генерала Перона и Эвиты, Михаила и Раисы Горбачевых, Джорджа Буша и Кондолизы Райс, Виктора Ющенко и Юлии Тимошенко в том виде, в каком они предстают на страницах исторических документов, научных и псевдо-научных исследований, журнальных и газетных публикаций, оказываются удивительным образом похожими друг на друга – прежде всего потому, что для их построения авторы – сознательно или неосознанно – используют в качестве сюжетобразующих основные параметры указанного мотива. При всех исторически обусловленных изменениях в бытовании мотива героя и его помощницы, отношения правителя и его супруги, правителя и его соратницы, правителя и его «офисной жены» на протяжении веков продолжают описываться по одной и той же схеме мифологического повествования. В мифологическом сознании для каждого события находится образец, в соответствии с которым это событие воспринимается и осмысливается. Мифологическое повествование по своему организует мир читателя, заставляет его мыслить совершенно определенными категориями – и таким образом обретает идеологическую направленность. Поэтому мифологическое сознание особенно ярко проявляется в критических ситуациях, когда потребность в оправдании, в легитимации действий участников событий особенно возрастает. Мифологическое повествование направлено здесь даже не на самих героев, но на отношение к ним, на выработку общественного мнения о том или ином спорном явлении, на придание действиям героев законного в глазах окружающих характера. Именно в этом заключается прагматическая функция мифа. И именно поэтому привилегированным полем мифологии во все времена остается политическая идеология – область, к которой в той или иной степени относятся все рассмотренные исследовательницей примеры.

В докладе «Индоевропейские структуры в “Повести временных лет”» Инес Гарсия де ла Пуэнте (Мадрид) использует концепцию Жоржа Дюмезиля об иерархически организованной трехфункциональной структуре архаических индоевропейских сообществ (F1, F2, F3, т.е. жреческая, воинская и хозяйская функции), а также идеи Ника Аллена, дополнившего структуру Дюмезиля еще одной функцией F4 – в ее положительном (F4+) и негативном (F4–) регистре. К четвертой функции относятся маргинальные элементы, либо находящиеся вне общества (F4–, например раб), либо вознесенные над об-

ществом (F4+, например король). Указанные функции составляют пентадную структуру, которую исследовательница обнаруживает в ПВЛ: в сюжете о смерти Игоря и следующей за ней мести Ольги древлянам, а также в списке первых шестерых киевских князей. Исследовательница полагает, что материал был организован в пентадную четырехфункциональную структуру при записи в ПВЛ, и эта структура оказалась довольно продуктивной для изображения прошлого.

В докладе Екатерины Белецкой (Тверь) «Песенный фольклор как устная форма социокультурной памяти» речь шла о песенных традициях казачества начиная с XVI в. и заканчивая современностью – как с точки зрения картины мира казаков, так и с точки зрения миметических приемов. Специфика казачества как субэтноса отразилась в исторических, военно-бытовых песнях, в обрядовом фольклоре. Заслуживают внимания и песни, созданные на стыке фольклорной и литературной традиций, а также «оказаченные» сюжеты. Песни в локальном репертуаре выстраиваются в циклы как линейно-биографические (от рождения до смерти), так и «круговые», в которых варианты сюжета или сюжетной ситуации образуют аксеологический круг (от печально-трагического до сатирически веселого). Сохранению песен в культурной памяти способствовала, с одной стороны, актуальность содержания, а с другой – типичность фольклорной формы, предназначенной для устного восприятия и запоминания. Литературное влияние на казачьи песни проявляется в книжном характере ритмики, наличии рифмы, в изменении принципов, средств и приемов изображения действительности, в упрощении мелодии. Смешение традиций – устной и письменной – ведет к нарушению законов устно-поэтического творчества, к сбою привычных механизмов памяти, что выражается в потребности или необходимости записать песню, чтобы не забыть, или воспользоваться фольклорным сборником как песенником.

В докладе Антона Нестерова (Москва) «Социальность, приватность, индивидуация и культурная парадигма в Англии рубежа XVI – XVII вв.» на массе примеров из придворной жизни была показана и проанализирована характерная для той эпохи интерференция приватного и личного пространств, а также феномен «фасеточной» личности. Постоянное перетекание друг в друга интимно-личного и публичного носило демонстративно-театрализованный характер, так что по сути дела не оставалось ни сугубо частного, ни публичного в чистом смысле этого сло-

ва. Публичность такого типа требовала не отстранения от личного «я», а, наоборот, его предельного вовлечения в общественный спектакль. Личность человека той эпохи носит фасеточный характер: она сложена из отдельных изолированных поведенческих паттернов, диктуемых данной ситуацией и успешных в той мере, в которой партнер по общению считывает этот паттерн и готов его принять. Действия человека строятся как маленький спектакль внутри определенного поведенческого сценария-парадигмы и в рамках этого сценария рассматриваются как совершенно легитимные. Роли и маски могут меняться, порой на взаимоисключающие, но это не порождает сбой в восприятии партнера. Паттерны поведения формировались на основе своего рода ехемпра, предлагаемых культурной памятью. В каждой конкретной ситуации человек выбирал соответствующий этой ситуации код поведения, ориентируясь на определенный культурный образец (например, рыцарь и прекрасная дама).

В докладе Ярослава Кирсанова (Саратов) «В.И. Чапаев – маргинальный герой в контексте нормативной эпохи (на материале романа Д. Фурманова)» образ Чапаева был рассмотрен в контексте легитимационных стратегий новой правящей элиты. Одной из таких стратегий была работа с культурной памятью формирующейся нации. Новое содержание облекалось в закрепленные в культурной памяти архаические формы героического эпоса. «Реальный» Чапаев, фигура сомнительная и даже опасная в плане идеологической сознательности, был не нужен системе, и Фурманов создает персонажа «фантастического», «сказочного», идеального. Судьба Чапаева строится по стандартному эпическому шаблону: «чудесное» рождение, череда подвигов, героическая смерть. Маргинальность Чапаева и его отряда всячески маркируется на протяжении всего повествования. Индивидуальная судьба героя социалистического эпоса неотделима от его классовой судьбы: в романе неоднократно подчеркивается, что Чапаев плоть от плоти крестьянской среды, воплощение ее энергии. Идеологически правильный, «свой» маргинал был необходим сталинскому режиму. Его жизненная стратегия (стратегия «младшего брата») закономерным образом стала образцом именно для молодежи. В политическом аспекте Чапаев заполнял образовавшуюся лауну, убирая акценты с опальных полководцев. Перед партией стояла цель создания и дальнейшего закрепления в культурной памяти идеологически корректного образа Гражданской войны – и Чапаев идеально

подходил на роль правильного (прежде всего, в плане классовой принадлежности и так называемого «классового инстинкта») народного героя. Его смерть ритуально фиксировала конец героической эпохи и сакрализовала установление существующего режима.

Доклад Вадима Михайлина (Саратов) «Как закалялась Жермена де Сталь, или Об осознанном и неосознанном присвоении чужих символических капиталов» посвящен анализу «осколков» дискурсивных традиций в романе Н. Островского «Как закалялась сталь»: эпической, романтической, «колониальной». Исследователь рассматривает протагониста романа, Павку Корчагина, как героя, по сути эпического, кроме того представляющего такой устойчивый литературный тип, как *reluctant lover* («сопротивляющийся любовник»). Эротическая тема, обильно представленная в романе, носит откровенно подростковый, «волчий» характер. Роман разделен на две части: первая посвящена периоду до 1921 г., то есть до окончания Гражданской войны, вторая – периоду становления новой власти. Совершенно логичной выглядит смена базового пафоса – в первой части это пафос «волчий», разрушительный, во второй – «песий», охранительный: маргинальная «волчья» стая превращается в новую правящую элиту. Крестьянство – объект выраженной авторской ненависти. По отношению к крестьянству то и дело

проскальзывают отчетливые элементы «колониального» дискурса о «туземцах». Выраженный антиклерикализм, в свою очередь, представляется одним из ключей к явному литературному источнику романа: «Оводу» Э. Войнич. Докладчик считает «Как закалялась сталь» продуманным пропагандистским проектом по созданию «большевистского “Овода”» – при том что сама фигура автора наравне с фигурой протагониста есть неотъемлемая часть этого проекта.

Александр Сеницын (Саратов) выступил с докладом «Феномен народного кино: эпические приемы и мотивы в кинокартине “Семнадцать мгновений весны”». Фильм Т. Лиозновой, по мнению исследователя, лучше всего было бы определить как «эпико-мифическое кино», «советское кино-миф о Родине». Исходя из такого емкого определения, исследователь выделяет в картине гомеровские (и даже в большей степени «илиадовские») мотивы и структуры, которые, однако, говорят не об умышленном использовании Гомера авторами картины, а свидетельствуют, по мнению докладчика, о принадлежности этих произведений к эпическому жанру.

Доклады, прочитанные на конференции, составят основу для коллективной монографии, которую Лаборатория надеется выпустить к следующим – шестым – Пирровым чтениям.

Е. Решетникова